

объясняет грамматику с помощью всех доступных средств. Так, он приводит много конструкций, не объясняя причин их построения («unde constructiones multas dicit, quarum tamen causas non assignat») и опираясь только на авторитет древних грамматиков. Вследствие этого он не учит («non docet»), ибо учит только тот, кто указывает на причины того, о чем они говорят» (Л. Дж. Петоу).

То было не просто изменение, то была революция. Так как целью грамматики является правильное пользование языком, она основывается на языковой практике, а следовательно, на авторитете. Отказываться в грамматике от принципа авторитета, чтобы заменить его демонстрацией правил с указанием их причин, означает превращать это искусство в науку, отличную от других, в том числе и от логики. Как только этот принцип был сформулирован, из него следовали всё новые и новые выводы. Вначале появились два грамматика, в трудах которых отчетливо прослеживается влияние этого нового духа,— Александр из Вильдье со своим «Теоретическим курсом» («Doctrinale») и Эв-рард из Бетюна, автор книги «Подражание грекам» («Graecismus»). Их ожидал громкий

Глава VII. Греч. и араб. влияния в XIII в. и основание университетов

306

успех. Присциан и Донат оставались в программе факультета искусств до XIV века, а «Doctrinale» и «Graecismus» были введены в нее в 1366 г. По сочинениям этих грамматиков в Девентере* у «Братьев по совместной жизни» будет учить латынь юный Эразм. Следующий шаг в этом направлении привел к сочинению трактатов, которые были уже не только работами по объяснительной грамматике, но изложениями науки о языке, рационально сформулированной и построенной априори. Эту науку обычно называют логикой языка (нем. Sprachlogik), но одно из сочинений, в котором она излагается, носит, возможно, лучшее название — «Спекулятивная грамматика» («Grammatica speculativa»).

В обычном и традиционном смысле объектом грамматики является соответствие речи определенным правилам. Знать грамматику того или иного языка — значит знать правила, позволяющие без ошибок говорить на этом языке. Сколько языков — столько и относящихся к ним грамматик. Однако авторы грамматики XIII века заметили, что всякая грамматика ставит два рода проблем: одни относятся к каждому конкретному языку (древнееврейскому, греческому, латинскому, арабскому и т.д.), другие являются общими для всех языков, поскольку, вопреки всем их различиям, они выполняют одну и ту же функцию — выражают с помощью слов содержание одного-единственного общечеловеческого ума. Структура разума навязывает языку определенные способы выражения, обозначения (*modi significandi*), которые должны соблюдаться во всех языках, несмотря на особенности каждого. Объектом спекулятивной грамматики как раз и является изучение этих универсальных правил, на базе которых строится речевое выражение любой человеческой мысли, модальности и оттенки значений, передаваемые с помощью слов.

Понимаемая таким образом грамматика может быть только универсальной. Роджер Бэкон решительно сказал: «Грамматика сущ-ственно одна и та же во всех языках, хотя и подвержена случайным вариациям» («Grammatica

una et eadem est secundum substantiam in omnibus linguis, licet accidentaliter varietur). Анонимный автор XIII века высказывается в том же духе: «Тот, кто знает грамматику одного языка, знает и грамматику другого в том, что касается самого существенного в грамматике вообще. Тот факт, что он не может ни говорить на этом языке, ни понимать